

Легитимация права в традиционных обществах: институциональный аспект

Ломакина И. Б.,

доктор юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ
E-mail: lomakina73u@gmail.com

Аннотация. Автор статьи показывает особенности легитимации права в традиционных обществах. Связывает легитимацию с институциональным процессом в целом и правовой коммуникацией в частности. Особое значение приобретает социокультурный контекст, который выступает в единстве объективного и субъективного моментов существования человека (общества).

Ключевые слова: традиционное общество, обычное право, легитимация, объективация, правовой институт.

Нормативная регуляция в традиционных обществах наиболее отчетливо демонстрирует взаимосвязь между человеком (Творцом) и социальным миром (Творением). Эта взаимосвязь является диалектической. С точки зрения социологической феноменологии формирование социальных институтов, в том числе и правовых, связано с экстернализацией и объективацией — двумя моментами непрерывного диалектического процесса. Третьим моментом является интернализация (посредством неё объективированный социальный мир переводился в сознание в процессе социализации)¹. В то же время институциональному миру требуется легитимация как способ «объяснения» и «оправдания». Поэтому легитимация может и должна рассматриваться в контексте институционального процесса.

Объективация, интернализация, а также легитимация непосредственно связаны с формированием знания. Говоря об обычном праве, канадский компаративист Гленн, употребляя термин «хтоническое право», т.е. право основанное на знании, совершенно правильно отмечал зависимость функционирования обычного права от определенных знаний о необходимых должностных в том или ином архаическом обществе².

Опыт, как утверждают П. Бергер и Т. Лукман, становится «осажденным (седиментированным), т.е. застывшим в памяти в качестве незабываемой и признанной сущности»³. Такую седиментацию можно назвать социальной тогда, когда она текстуально (в расширительной трактовке) объективирована (знаками и символами). Объективация знаний осуществлялась у разных народов по разным сценариям. У каждого народа исторически формировалась своя семиотическая система с разной долей доминирующих в ней элементов. Так, например, у бесписьменных культур объективация накопленного опыта осуществлялась преимущественно в символической форме, в отличие от письменных.

Ю.М. Лотман полагал, что в бесписьменных обществах через символическую, образную систему (т.е. неспецифические, устные тексты. — И.Л.) народ передавал коллективную память потомкам о законах и обычаях предков, так как бесписьменная культура ориентирована не на умножение числа (письменных. — И.Л.) текстов, а на повторное воспроизведение раз и навсегда данного (устных текстов. — И.Л.). Следовательно, наличие или отсутствие письменности как определенной коммуникативной системы зависит не от уровня цивилизации, а от её структуры и ориентации⁴.

Ю.М. Лотман выявлял специфику бытования символа в культурном пространстве: «Символ никогда не принадлежит какому-либо одному срезу синхронной культуры — он всегда

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 102.

² См., например: Графский В.Г. Законы и обычаи в правовых традициях Запада—России—Востока // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы Всероссийского научно-методологического семинара. Санкт-Петербург, 28—30 июня 2004 г. СПб., 2004. С. 104.

³ Там же. С. 113.

⁴ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб., 2004. С. 365—366.

пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического окружения»⁵. Символы выступают как устойчивые элементы культурного континуума и функционируют как механизмы памяти культуры. Смысловые возможности символа шире и богаче, чем их данная реализация. Элементарные по своему выражению символы обладают большей культурно-смысловой емкостью, чем сложные.

С точки зрения ученого, символы — это генетическая память культуры⁶. Простые символы образуют символическое ядро культуры. «Символ выступает как бы конденсатором всех принципов знаковости и одновременно выводит за пределы знаковости. Он — посредник между разными сферами семиозиса, а также между семиотической и внесемиотической реальностью. В равной степени он посредник между синхронией текста и памятью культуры. Роль его — роль семиотического конденсатора»⁷.

Обнаруживая символизм во всем социальном, Г. Гурвич полагал, что символы — это не просто выражения или обозначения чего-либо. «Символы — это не совсем адекватные чувственные выражения духовных значений, занимающие место между явлениями и вещами в себе, *an sich* (нем.). Они суть посредники между ними и зависят от обоих. Они одновременно выражают и скрывают, или, точнее, они выражают, скрывая, и скрывают, выражая. То, что они выражают и что они скрывают, с одной стороны, категория духовная, а с другой — реальная (физическая, биологическая, психологическая, социологическая), в которой дух частично воплощает себя, частично открывает себя»⁸.

И далее. «Социальные символы — это неадекватные выражения духовного царства, приспособленные к конкретным социальным ситуациям, к типичным социальным структурам и к определенным состояниям коллективной ментальности, в которых осуществляются различные аспекты духа и которыми они охватываются. Социальные символы, таким образом, одновременно обусловлены и социальной действительностью, и присутствующим в ней духом; они различаются в зависимости от функционального отношения к этой действительности,

равно как и в зависимости от функционального отношения к духу»⁹.

Символы не существуют сами по себе, они всегда имеют определенную форму и связаны с системой ценностей того или иного общества. Например, язык (речь) состоит из определенных слов (концептов, понятий), символизирующих тот или иной предмет. Анализируя ряд концептов, в частности, концепт «полицейский» отметим, что он символизирует существующий правопорядок (а также соответствующие этому правопорядку общественные ценности); концепт «паспорт» символизирует принадлежность гражданина к тому или иному государству и проч. Так же и письменный текст, состоящий из знаков, опосредован символами. Особенно отчетливо это проявляется в традиционных обществах.

Достаточно интересное видение символизма предложил Н.А. Бердяев. Усматривая в культуре, прежде всего, культовую сторону, он считал, что в культе всегда есть священная связь умерших, настоящего и прошедшего, всегда есть почитания предков и энергия, направленная на их воскрешение¹⁰. «Истоки культуры сакральны... Культура символична по своей природе. Символизм свой она получила от культовой символики. В культуре не реалистически, а символически выражена духовная жизнь. Все достижения культуры по природе своей символичны. В ней даны не последние достижения бытия, а лишь символические его знаки. Такова же и природа культа, который есть прообраз осуществления божественных тайн...»¹¹.

Вместе с тем, очевидно, что как для письменной, так и для бесписьменной культуры решающим фактором в процессе объективации коллективного опыта было формирование языка. Бергер и Т. Лукман усматривали в языке одно из эффективных, объективирующих сдimentированный опыт средств. Язык становится сокровищницей огромной массы коллективных сдimentаций, которыми можно овладеть монотетически, т.е. в качестве целостной совокупности и без реконструкции первоначального процесса их формирования¹².

В.В. Колесов полагал, что знаковое и символическое опосредование (объективация) социальной реальности осуществлялось через кодирование предметов в понятийные системы (концепты), которые, в свою очередь, служили

⁵ Там же. С. 248.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 249.

⁸ Гурвич Г.Д. Социология права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб., 2004. С. 597.

⁹ Там же.

¹⁰ Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991. С. 98.

¹¹ Там же. С. 218-219.

¹² Бергер П., Лукман Т. Указ соч. С. 114.

средством воспроизведения наглядно-действенных ситуаций и восстановления связей между предметами, входящими в наглядно-действенную картину мира¹³.

Формирование концепта (понятия) здесь играет основную роль. Исторически каждое ключевое слово национального языка проходит путь от концепта (исходное понятие) через психологическое представление образа и логическое сжатие в понятие к культурному символу как к источнику мифа, а от него к культурному концепту — реальности национальной «речемысли», созданной историческим путем¹⁴. Совокупность концептов образуют концептосферу, зафиксированную в культурной памяти социума или индивида, составляющую основу национальной когнитивной базы. Она является источником концептов, ментальными проекциями которых в обычаях и традициях выступают символы и знаки. Поэтому, пребывая в символическом универсуме культуры, как полагает И.А. Василенко, человек не может следовать только строгим фактам и подчиняться объективным закономерностям, наоборот, он погружен в лингвистические формы языка и художественные образы, мифические символы и религиозные ритуалы¹⁵.

Понятия (концепты) той или иной культуры всегда базируются на ценностях, в образовании которых участвуют эстетические, моральные и эмоциональные составляющие.

Язык заключает в себе и национальный характер, национальную идею и национальные идеалы, которые представлены в целом в концептах культуры, и в правовой культуре в частности. Данное положение применительно к обычному праву преломляется также и через формирование образного, символического языка, позволившего поставить на место фактического сиюминутного принуждения — окрика, удара — абстрактно сформулированный императив (норму), рассчитанный на многократное применение. Как справедливо отмечал Ж. Карбонье, «язык позволял передавать норму от поколения к поколению и создавал тем самым традицию и обычай, а также проектировал действия в будущем»¹⁶.

Обычное право в этом аспекте — это универсальный способ социального взаимодействия (особый тип правовой коммуникации).

Объективируясь текстуально (преимущественно устно), оно непосредственно подвергается кодировке в границах семиотической системы конкретной этнокультурной общности. Поэтому в разных языках выражающие понятия концепты — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его.

В этом смысле язык — это своеобразный интерсубъективный феномен, представляющий языковую картину мира. Языковая картина мира в этом аспекте производна от национального менталитета. Весьма примечательны в этом отношении идеи О.А. Корнилова. Исследуя проблему соотношения языковой картины мира и национальной ментальности, он показывает, что национальная картина мира формируется из трех видов национально-специфической лексики: обозначение специфических реалий; обозначение универсальных объектов, имеющих специфические прототипы; обозначение специфических абстрактных концептов¹⁷.

Вышеизложенное требует конкретизации и необходимости введения концепта «картина мира». По М. Хайдеггеру, картина мира — это отражение «сущего», а мировидение — это отношение человека к «сущему»¹⁸. Картина мира создается в результате взаимодействия двух процедур: 1) экспликация, экстрагирование, опредмечивание, объективирование, осмысление образов мира (реконструкция существующего в реальной действительности); 2) создание, разработка новых образов мира (конструирование несуществующего в реальной действительности). Существование и атрибутирование моделирующей картины мира связано с исходной категориальной парадигмой.

М. Хайдеггер считает, что если мир становится картиной, позиция человека (а значит, и этноса. — И.Л.) понимается как мировоззрение¹⁹. Поэтому вполне естественно, что этносы так же как индивиды с разных этажей дома имеют нетождественные представления о мире: каждый знает всё о своем дворе, знает, что где находится, но когда смотрит из своего окна, то видит неодинаковые вещи, либо те же самые, но в разных ракурсах.

Для жителей первых этажей двор — это, прежде всего, заросли кустов, закрывающие окна, а для жителей верхних — это, к примеру, новостройка с вертикально торчащими кранами и строительным мусором. Получается некий

¹³ Колесов В.В. Концепт культуры: образ, понятие, символ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 1992. Вып. 3. № 16. С. 29.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Василенко И. А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. М., 1999. С. 13.

¹⁶ Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. С. 47.

¹⁷ Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 123.

¹⁸ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 23.

¹⁹ Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технологическая волна на Западе. М., 1985. С. 228.

парадокс: объективный мир для каждого этноса различен, так как он соприкасается с ним только в какой-то одной его части.

Мир как бы повернут к конкретному народу лишь незначительной частью социальной практики. Так как только эта часть непосредственно ощущается этносом, она и получает в праве наибольшую дифференциацию, остальная часть внешнего мира обозначается «крупными мазками» и не «прорисовывается» тщательно. Этим и объясняется парадокс восприятия в правовой сфере. Поэтому, когда определенный ракурс меняется, прежний образ мира разрушается и картина «гаснет».

Механизмы объективации этнического обычного права зависят от типа и характера культуры. Объективированное текстуально обычное право информативно, оно обнаруживает себя вербально и невербально в социальной практике. В этом аспекте обычное право — это социальный язык, благодаря которому участники общественных отношений получают необходимые сведения о социально выверенных, «правильных» моделях поведения.

Социальное признание текстов осуществляется в процессе коммуникации через легитимацию. Легитимация — это способ «объяснения» и «оправдания» нужной информации. Она «объясняет» институциональный порядок, придает когнитивную обоснованность текстуально объективированным значениям (знаниям).

П. Бергер и Т. Лукман утверждают, что легитимация имеет когнитивный и нормативный аспекты²⁰. Другими словами, легитимация связана с ценностной и когнитивной (знание, понимание) подсистемами сознания. Объективированная (текстуально организованная) информация является составной частью правовой системы.

Легитимация в этом аспекте может быть раскрыта через смыслокоммуникацию, включающую два блока: информационную коммуникацию и поведенческую коммуникацию²¹.

Представляется, что легитимация в традиционных обществах может быть рассмотрена также и через систему динамических и статических механизмов трансляции. Одним из статических механизмов является способ следования традиции, содержащий конформистскую модель поведения. Этот способ обеспечивает идентичность поведения с деятельностью остальных членов коллектива; он как бы консервирует

определенный шаблон, которому следуют все, руководствуясь принципом «вещи и порядки всегда были таковы, поэтому каждый действует так, как действовали до него».

Динамический механизм предполагает активную позицию участников обычно-правовых отношений. Благодаря этому обычаи приспособляются к определенным изменяющимся условиям и актуализируются в новом качестве. Здесь важная роль принадлежит прерогативе авторитетных членов сообщества.

Коммуникация как способ социального взаимодействия допускает и «инструментальную» интерпретацию, поскольку исследуемый феномен служит, помимо прочего, также специфическим средством накопления и передачи социально значимой текстуально оформленной информации. На уровне социальной формы текстуально оформленная информация в самом общем виде представляет релевантный опыт. Благодаря коммуникации осуществляется передача этой текстуально оформленной информации от одного поколения к другому, обеспечивается межпоколенная связь и происходит интеграция индивида в общество.

В традиционных обществах лучший наставник — обычай. Обычный опыт легитимировался коллективным и индивидуальным сознанием в форме определенных правил — обычаев.

Передача социально значимого опыта из поколения в поколение осуществлялась как в процессе осуществления повседневной социальной практики, так и в процессе праздничных ритуалов и обрядов. Инициации входили в институциональный обычно-правовой комплекс, от эффективности проведения инициаций зависела межпоколенная преемственность, а стало быть, и жизнеспособность всего социального сообщества. Коммуникация здесь переплетается с социализацией и легитимацией.

Передача текстуально оформленной информации и её легитимация общественным сознанием в традиционных обществах осуществлялась по разным каналам. Наиболее действенным был канал передачи, предполагающий трансляцию знаний из так называемых «первых рук». Передаваемые текстуально оформленные матрицы содержали спрессованную информацию, веками хранившуюся в общественном сознании и коллективном бессознательном.

Эффективность данного механизма передачи информации напрямую зависела от фактора доверия, устанавливающегося между поколениями. Справедливо, в этой связи, звучат слова К. Лоренца, что если преемник традиции не испытывал «по крайней мере, к одному из представителей старшего поколения... эмоций уважения и любви...

²⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 153.

²¹ Поляков А.В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб., 2003. С. 596.

механизм, транслирующий традиционные нормы, не срабатывал»²².

Именно механизм простого, постоянного воспроизводства социально оформленной, текстуальной информации от старших к младшим позволял старшим членам рода доминировать над младшими членами рода²³, так как именно старшим принадлежала функция хранения и передачи традиции предков. Это, в свою очередь, закреплялось социальной организацией, использовавшей для этого устные предания, сказания, мифы, ритуалы.

Ритуалы, проведенные совместно, формировали особый тип доверительно-сакральных обычно-правовых отношений между коммуникантами. Можно утверждать, что эти действия были уникальными способами передачи соответствующих ценностей (духовного сплочения участников, которые психологически становились коллективом сподвижников, познающих эпохальные события, подвиги, историю своего народа, священные обычаи и традиции предков). Ценности здесь выступают как некие определенности, реализация которых служит разумному устройству действительности.

Передача обычно-правовой информации в традиционных обществах осуществлялась через старших «знающих» к младшим «незнающим». При этом, как отмечалось выше, эффективность трансляции зависела от фактора доверия между ними. Поэтому в такого типа обществах особая роль в трансляции информации принадлежала уважаемым авторитетным людям, имеющим особый дар — «ману», «магу», «оренду» или «сээр» (у бурятских шаманистских племен).

У шаманистских народов именно шаманы обладали недоступными для основной массы «сверхзнаниями», а благодаря использованию психических средств воздействия (транс, камлание, призывание) они оставляли мощные эмоциональные переживания в психике, приобщающихся к знаниям. В результате фигуры великих предков, овеянные сказаниями и преданиями об их героических подвигах, символика ритуальных обрядов, захватывающий вихрь магических танцев — всё это продолжало жить через эмоции, через сильное чувственное воздействие, производимое ими. Это поддерживало определенный нравственный пиетет обычно-правовых моделей поведения человека в традиционном обществе²⁴.

²² Цит. по: Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств тропической Африки. М., 1992. С. 63.

²³ Там же.

²⁴ Василенко И.А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. М., 1999. С. 25.

«Социальным архитекторам» принадлежало право открывать завесу тайных, космических (правовых) знаний о соответствующих должностных функциях. Придавая обоснованность (легитимность) текстуально объективированным знаниям, «социальные архитекторы», тем самым конституировали сложившийся социальный порядок, обеспечивая его связь с системой традиционных ценностей.

Доступ к сакральному знанию «социальных архитекторов» и умение от имени предков транслировать обычаи обусловили их авторитет в глазах сородичей, а особые символические места осуществления правосудия обеспечивали доверие населения к транслируемым обычно-правовым нормам. Так, например, у бурятских племен эхиритов и булагатов местом вынесения приговоров был «Шаманский камень» у истоков реки Ангары, у озера Байкал, где по мифологическим преданиям жил когда-то большой шаман Гуртэ-Зарин, который при жизни занимался рыболовством и утонул в этом месте. После смерти шаман стал хозяином истока Ангары и верховным судьёй, не прощающим лжи.

Легитимация связана со знанием человека о его месте, роли в обществе и правилах поведения в этом обществе, а также о соответствующих этому обществу ценностях. «Знание» предшествует «ценностям» в процессе легитимации, полагают П. Бергер и Т. Лукман. Это утверждение социальные феноменологи подкрепляют аналитически, выводя различные уровни легитимации (которые на практике, конечно же, пересекаются)²⁵.

Зачатки легитимации П. Бергер и Т. Лукман вполне обоснованно усматривают в передаче лингвистических объективаций (текстуально оформленной информации) от поколения к поколению. Например, передача словарного запаса той или иной родственной группы легитимирует *ipso facto* структуру родства. Фундаментальные «объяснения» легитимации встроены, так сказать, в словарный запас. Так, ребенок, узнав, что другой ребенок — его «кузен», соответствующим образом формирует свое поведение по отношению к «кузенам»²⁶.

Этот уровень П. Бергер и Т. Лукман считают дотеоретическим. Но именно он является основой «самоочевидного “знания”, на котором должны строиться все последующие теории, и наоборот — это уровень, которого должны достичь все теории, чтобы быть включенными в традицию»²⁷.

²⁵ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 154.

²⁶ Там же. С. 154.

²⁷ Там же. С. 154—155.

Второй уровень легитимации содержит, по П. Бергеру и Т. Лукману, теоретические утверждения в зачаточной форме. Здесь можно обнаружить, утверждают они, различные объяснительные схемы относительно ряда объективных значений (знаний. — И.Л.). Эти схемы непосредственно связаны с конкретными действиями. Сюда относятся пословицы, народная мудрость, сказки, легенды, поэмы, передаваемые в поэтической форме²⁸.

Примеры этого уровня. «Кто ворует у своего брата, будет наказан бородавками на руках». Или: «Уходи, когда твоя жена кричит, но беги, когда твой кузен зовет тебя». «Поможешь другому — тем же обернется самому». «В старинных словах нет лжи, в воде колодца нет рыбы». «Вина впереди, раскаяние позади».

Третий уровень легитимации содержит уже теоретические концепты, выраженные в терминах дифференцированной системы знания. Легитимации предусматривают хорошо понятные системы отсчета для соответствующих секторов институционализированного поведения. Из-за их сложности и специализации, полагают исследователи, они зачастую поручаются специальному персоналу, который передает их с помощью формализованных процедур посвящения. Так, может существовать сложная теория «двоюродного родства», определяющая права и обязанности и стандартные процедуры действия. Знаниями в этой области распоряжаются старейшины клана. Они инициируют молодежь и передают им свои знания в процессе осуществления соответствующих ритуалов²⁹.

Например, у монгольских племен издревле существовал обычай помазания мясом и жиром пальца мальчика, впервые убившего зверя на охоте. Этот обряд проводил самый пожилой член рода³⁰. Фактически обряд символизировал вступление в «мужской возраст», т.е. в возраст, когда мальчик наделялся, как и все члены мужского охотничьего союза, определенными правами и обязанностями. Отныне он общался к общему родовому багажу знаний, при этом экспертами за какие бы то ни было отклонения от общепринятых моделей поведения выступали лица, отвечающие за его благополучную социализацию.

Четвертый уровень легитимации, по П. Бергеру и Т. Лукману, составляют символические универсумы. Это особые системы теоретических традиций, впитавших различные области значений (знаний) и включающих

институциональный порядок во всей его символической целостности. Символизм в этом значении используется как процесс сигнификации (обозначения), имеющий отношение к реальности, отличной от реальности повседневной жизни. Символический универсум выступает здесь как матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений (знаний)³¹.

На этом уровне инцест достигает максимального осуждения из-за нарушения космического, божественного порядка и созданной богом природы человека. Так, например, у Марка Тулия Цицерона в произведении «О законах» говорится о том, что инцест расценивался общественным мнением как обольщение девы весталки («девы-весталки — богини, поддерживающие в Риме вечный огонь на очаге государства»³²). Или, «кто украдет или похитит предмет священный или доверенный священной охране, да будет «паррицидой» («паррицида» — убийца собственного отца или близкого родственника)»³³. То же самое можно сказать о неправильном экономическом поведении или любом другом отклонении от институциональных норм.

Поэтому любые правонарушения на этом уровне легитимации — это нарушение общего мира и справедливости. Как, например, у сибирских народов нежелание делиться добычей со своими членами рода или отстрел редких табуированных зверей и птиц. «Сделать что-то плохое — очень большой грех, то плохое, что человек сделал, само придет к его детям». «Большой грех» являлся нарушением правды, чести, совести и ассоциировался с несчастьем (наказанием, воздаянием).

Ярким примером символического универсума является и объяснение института божественного происхождения царской власти, выражающегося в концептах типа «Сын бога», «Сын Неба», «Наместник бога на земле» и проч.

Не вызывает сомнения, что традиционные представления о праве, также вытекающие из мифологического понимания мира, где боги и люди слиты в одном пространстве места и времени, есть не что иное как продукт символического универсума. Отсюда и утверждения, что законы не создаются человеком и не являются постановлениями народов, они есть божественный разум. По этому поводу Цицерон писал: «Но если общим для божества и человека является разум, то этот разум,

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 156.

³⁰ Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991. С. 108—109.

³¹ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 158.

³² Цицерон М.Т. О законах // Цицерон М.Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М., 1999. С. 181.

³³ Там же.

им свойственный, должен мыслить правильно; а так как разум есть закон, то мы, люди, должны считаться связанными с богами также и законом. Далее, между теми, между кем существует общность в виде закона, существует общность и в виде права. А те, у кого закон и право общие, должны считаться принадлежащими к одной и той же гражданской общине. Более того, если они повинуются одним и тем же военным и гражданским властям, то они в большей степени повинуются небесному распорядку, божественной мысли и предрешающему божеству, так что весь этот мир следует рассматривать уже как единую гражданскую общину богов и людей. В гражданских общинах положение ветвей рода, на основании известных правил ... определяется родством; в природе это настолько более величественно и настолько более славно, что люди связаны с богами родством и происхождением»³⁴.

Данный тип мышления оперирует в рамках исправленного континуума между человеческим миром и миром богов, формирующегося посредством символического универсума. Легитимация в форме символического универсума обеспечивает безопасность и сплоченность в коллективе, так как все бытие предопределено божественным проведением, отсюда идея родовой кармы у восточных народов. И божественной кары — у западных народов: «За нарушение права да будет кара!»³⁵.

Легитимация посредством символического универсума связывала всю социальную практику народа в единое целое, включая прошлое, настоящее и будущее. По отношению к прошлому как бы формировался архив, содержащий для всех членов коллектива своеобразный банк данных, благодаря которому индивид мог планировать свои действия в соответствии с общепринятыми шаблонами. Поэтому символический универсум функционировал как образец превращения хаоса в космос, т.е. превращения беспорядка в порядок.

Легитимация, как институциональная стадия закрепления и признания обычно-правовых знаний (определенных моделей), напрямую связана с ценностной системой. Ценностная же система всегда испытывает на себе бремя времени. Это дает основание считать, что обычное право, как содержательная категория, воспроизводит в сознании индивида и коллектива в целом те ценности, выраженные через должностования, которые словно луч прожектора, высвечивают должное, т.е. то, что должно быть, и то, что должно быть устранено.

Стало быть, ценности — это некие субъективные установки, служащие «разумному», «правильному» устройству действительности. Ценности, как правило, имеют коллективную направленность. Они отражают опыт народа, его дух, идеалы и стремления. Ценностные установки рассматриваются как некие формы добра, правды, справедливости.

Таким образом, текстуально оформленная информация и её соответствующая легитимация является составной частью традиционной культуры.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 321 с.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Л.: Лениздат, 1991. 448 с.
3. Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств тропической Африки. М.: Наука, 1992. 296 с.
4. Василенко И.А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 272 с.
5. Графский В.Г. Законы и обычаи в правовых традициях Запада—России—Востока // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы Всероссийского научно-методологического семинара. Санкт-Петербург, 28—30 июня 2004 г. СПб., 2004. С. 103-108.
6. Гурвич Г.Д. Социология права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 848 с.
7. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука Сиб. отд-ние, 1991. 175 с.
8. Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс, 1986. 352 с.
9. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 2003. 216 с.
10. Колесов В.В. Концепт культуры: образ, понятие, символ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 1992. Вып. 3. № 16. С. 29.
11. Липец Р.С. Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 263 с.
12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2004. 704 с.
13. Поляков А.В. Общая теория права: Феноменологический коммуникативный подход: Курс лекций. 2-е, доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 845 с.
14. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем., сост. вст. ст. и коммент. А. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. 333 с.

³⁴ Там же. С. 158.

³⁵ Там же. С. 182.

15. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М., 1985. С. 228.
16. Цицерон М. Т. О законах // Цицерон М. Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М.: Мысль, 1999. 782 с.

Legitimation of Law in Traditional Societies: the Institutional Aspect

Lomakina I. B.,

Doctor of Law,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the St. Petersburg Law Institute of the Academy of the Prosecutor General of the RF
E-mail: lomakina731@gmail.com

Abstract. *The author of the article shows the features of legitimation of right in traditional societies. Binds legitimation to the institutional process on the whole and by legal communication in particular. The special value acquires asociocultural context that comes forward in unity objective and subjective moments of existence of man (societies).*
Keywords: *traditional society, ordinary right, legitimation, objectification, legal institute.*

References

1. Berger P., Lukman T. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M.: Medium, 1995. 321 s.
2. Berdyaev N. A. Filosofiya neravenstva // Russkoe zarubezhe: Iz istorii sotsialnoj i pravovoj mysli. L.: Lenizdat, 1991. 448 s.
3. Bocharov V. V. Vlast. Traditsii. Upravlenie. Popytka etnoistoricheskogo analiza politicheskikh kultur sovremennykh gosudarstv tropicheskoy Afriki. M.: Nauka, 1992. 296 s.
4. Vasilenko I. A. Dialog tsivilizatsij: sotsiokulturnye problemy politicheskogo partnerstva. M.: Editorial URSS, 1999. 272 s.
5. Grafskij V. G. Zakony i obychai v pravovykh traditsiyakh Zapada-Rossii-Vostoka // Zarubezhnyj opyt i otechestvennye traditsii v rossijskom prave: Materialy Vserossijskogo nauchno-metodologicheskogo seminar. Sankt-Peterburg, 28-30 iyunya 2004 g. SPb., 2004. S. 103-108.
6. Gurvich G. D. Sotsiologiya prava // Gurvich G. D. Filosofiya i sotsiologiya prava: Izbrannye sochineniya / Per. M. V. Antonova, L. V. Voroninoy. SPb.: Izdatelskij dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izd-vo yuridicheskogo fakulteta S.-Peterb. gos. un-ta, 2004. 848 s.
7. Zhamalova S. G. Traditsionnaya okhota buryat. Novosibirsk: Nauka Sib. otd-nie, 1991. 175 s.
8. Karbone Zh. Yuridicheskaya sotsiologiya. M.: Progress, 1986. 352 s.
9. Kornilov O. A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsionalnykh mentalitetov. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Nauka, 2003. 216 s.
10. Kolesov V. V. Kontsept kultury: obraz, ponyatie, simvol // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. 1992. Vyp. 3. № 16. S. 29.
11. Lipets R. S. Obraz batyra i ego konya v tyurko-mongolskom epose. M.: Nauka, 1984. 263 s.
12. Lotman Yu. M. Vnutri myslyaschikh mirov // Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2004. 704 s.
13. Polyakov A. V. Obschaya teoriya prava: fenomenologo-kommunikativnyj podkhod: Kurs lektsij. 2-e, dop. SPb.: Yuridicheskij tsentr Press, 2003. 845 s.
14. Khajdegger M. Vremya i bytie: Stati i vystupleniya / Per. s nem., sost. vst. st. i komment. A. Mikhajlova. M.: Gnozis, 1993. 333 s.
15. Khajdegger M. Vremya kartiny mira // Novaya tekhnokraticznaya volna na Zapade. M., 1985. S. 228.
16. Tsitseron M. T. O zakonakh // Tsitseron M. T. O gosudarstve. O zakonakh. O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh. Rечи. Pisma. M.: Mysl, 1999. 782 s.